

— Налей воды!

Лушэн, злясь и одновременно посмеиваясь, не стал больше ни о чем расспрашивать. Парой фраз отвадив сержанта Тао, он обернулся и пошел искать Цзинь Шианя, который в саду задумчиво ковырял кору дерева.

— Ну чего ты такой мелочный? — с улыбкой упрекнул его Лушэн. — Люди парой слов перекинулись, а ты даже вежливости не проявил.

Лицо господина Цзиня залилось краской. Он и сам понимал, что ведет себя глупо: с чего вдруг такая нелепая ревность? На самом деле, оказавшись здесь без друзей, он невольно стал проявлять собственнические замашки, и стоило кому-то проявить интерес к его брату, как в нем просыпался страх, что он больше не самый близкий для Лушэна человек. Цзинь плюхнулся на каменную скамью и буркнул:

— Терпеть его не могу.

А ведь поначалу, когда появился новый знакомый, он был не прочь поболтать. Но этот фанат только и делал, что лстыл Лушэну, так что винить господина Цзиня в раздражении не стоило.

Лушэн присел рядом с ним:

— Ты такой крупный, а ведешь себя как ребенок. Он мой поклонник, я обязан был вести себя с ним учтиво. В конце концов, он любит Ду Линян и Чэнь Мяочан. Если найдется актер, который поет лучше меня, он тут же переключится на другого. Театральная игра — это лишь видимость, как можно принимать её всерьез? Только ты один такой дурачок, всё принимаешь близко к сердцу! — Лушэн легонько толкнул его в плечо и рассмеялся: — Что ты за тон взял? Будто я тебя предал!

Предал, не предал — какая-то гейская драма, честное слово! Еще не хватало, чтобы ты женился на Мэгги Чун, а я — на Карине Лау! Цзинь Шиань почесал затылок и, тоже улыбнувшись, выпрямился. Он был человеком отходчивым, и пара слов быстро развеяла его хандру. Он снова вспомнил об этом фанате:

— У тебя много таких фанатов?

— Фанат?

— Ну, поклонников. У нас их называют фанатами.

Господин Цзинь всегда интересовался индустрией развлечений. Раньше он инвестировал в компанию своей бывшей девушки, и это принесло кое-какие деньги — если вычесть первоначальные вложения, чистая прибыль составила несколько десятков миллионов. Если бы

та не оказалась бессовестной и не сбежала с деньгами, дела фирмы шли бы отлично. Он постучал пальцами по колену:

— Я пока не разбираюсь в бизнесе времен Китайской Республики, но шоу-бизнес везде одинаков. Может, мне стать твоим агентом, а ты продолжишь выступать? Ты такой популярный, даже спустя столько лет без практики у тебя остались преданные фанаты. В наше время ты был бы стопроцентным топовым айдолом!

Лушэн не понимал его странных выражений, лишь слегка улыбнулся:

— Актерство — это не тот способ заработка, что позволит дом построить и семью обеспечить. Да и голос у меня сейчас не тот, только позориться выходить.

— По-моему, ты отлично поешь.

— Это потому, что ты не разбираешься.

Усадьба Бай была расширена за счет старого сада. Молодой господин Цзинь, человек утонченный, не позволил разрушить сад, а лишь украсил его так, чтобы цветы радовали глаз в любое время года. Другие цветы высаживали низко, чтобы любоваться их формой, и только одно абрикосовое дерево у стены возвышалось, словно облако. Сейчас, в разгар весны, оно было усыпано цветами, и стоило подуть ветру, как лепестки осыпались дождем.

Лушэн поднял с земли опавший цветок:

— В нашем деле много правил. Нужно соблюдать каноны предков, но и новые мелодии не должны быть слишком вычурными. Если не берешь нужную ноту или не можешь вытянуть арию — раз-другой тебе простят, но если повторять это постоянно, значит, ты оскверняешь искусство.

С детства он был лучшим из лучших, и хотя в других вещах чувствовал себя неуверенно, в пении был несказанно горд.

— Если уж возвращаться на сцену, то только с триумфом, а не как побитая собака. Я должен петь еще лучше, чем раньше. Но я столько лет молчал, да и лекарства подпортили горло — никак не могу взять прежнюю высоту.

На мгновение он погрузился в воспоминания о былой славе, а затем его мысли переключились на что-то другое. Он хотел заговорить, но не знал с чего начать, да и сам не понимал, что его тревожит. Голос его стих, а щеки слегка порозовели. В тени цветов было не разобрать: то ли это отблеск лепестков, то ли краска стыда.

Цзинь Шиань, человек простой, решил, что Лушэн снова загрустил, и, развалившись на скамье,

легонько пнул его ногой:

— Тренируйся потихоньку, не спеши.

Лушэн бросил на него взгляд:

— Ты что, считаешь меня настолько безвольным? Подумаешь, сорвал голос! Старый учитель Чэнь тоже однажды потерял голос, но разве он не восстановил его, упражняясь у стен Храма Неба? — Он рассмеялся: — Это ты у нас безвольный: такое наследство, такой богатый молодой господин, а пришел ко мне в агенты наниматься — не боишься, что люди засмеют?

Цзинь Шиань раскинулся на скамье во весь рост:

— Да, я такой бестолковый. Если не нравится — не будь моим братом.

Лушэн сунул ему в рот цветок, и они начали дурачиться прямо на скамье.

Они каждый день так веселились, и все это видели. Никто ничего не говорил, только тетушка Лю, пришедшая с Лушэном из группы Чуньхуа, не находила себе места. Выбрав удобный момент, она спросила его:

— Что у тебя на душе, господин?

Лушэн смутился, но сделал вид, что не понимает:

— О чем ты?

Тетушка Лю вздохнула:

— Господин мой, как же ты забыл, о чем мы договаривались? Какие у нас были планы? Ты столько натерпелся из-за семьи Цзинь, столько вынес — разве этого не достаточно, чтобы свести счеты? Ты сам говорил, что хочешь уехать в Пекин или Тяньцзинь, добиться успеха. А теперь я вижу, что ты об этом и не думаешь! Ты что, собираешься остаться навсегда?

Лушэн ответил уклончиво:

— Это я тогда сгоряча наговорила.

Тетушка Лю настаивала:

— Человек ищет, где лучше, а вода — где ниже. Скажу прямо: вся эта семья держится только на молодом господине Цзине. Раньше он был талантлив и умен, и держаться за него имело смысл. А теперь он ведет себя как дурачок, семейное дело вот-вот развалится. Будь на твоём месте кто другой, давно бы уже нашел себе пристанище получше! Ты ведь не какая-нибудь бесприданница с перебинтованными ногами, двадцать три года — не такой уж возраст. Почему бы тебе не уйти? Поищем другую труппу, неужели не найдется тех, кто будет тебя ценить?

Лушэн сначала покраснел, но потом его лицо изменилось:

— Что за слова такие? Разве не из-за меня он стал таким? Разве не я перед ним в долгу? Не говоря уже о прошлом, разве не он все эти месяцы vyhаживал меня, помогал бросить курить? Он меня не бросил, а ты предлагаешь мне отвернуться от него! Где же твоя совесть?

— Он помог тебе бросить курить, но разве не из-за него ты начал? — видя, что уговоры не действуют, тетушка Лю решила рубить правду. — Господин, не хочу портить тебе настроение, но если уж суждено хлебнуть горя из-за безответной любви, то хватит и одного раза. Я тебя вырастила, неужели я не вижу, что у тебя на душе? Не надо кормить меня официальными отговорками! Тебе он нравится, когда он умный, и когда глупый — тоже нравится. Не знаю, что ты ему задолжал в прошлой жизни, но душа твоя будто в его руках! Если бы мы были женщинами, можно было бы надеяться хотя бы на положение наложницы, но мы же не женщины! Кем ты ему приходишься? Оставаться здесь в таком двусмысленном положении — это не дело.

Лушэну нечего было ответить. Разве он мог сказать ей, что Цзинь Шиань — уже не тот человек, что был прежде? Но вдруг он задумался: даже если это не тот человек, разве тетушка Лю не права?

Вроде бы и не права, но он не мог объяснить, в чем именно. Каждое её слово попадало точно в цель. Он покраснел, на глазах выступили слезы:

— Неужели ты думаешь, что я ветреный человек? Хочешь уйти — уходи, а я никуда не пойду, хоть умру здесь!

Этот разговор выбил Лушэна из колеи. Ему хотелось оправдаться перед всем миром, чтобы никто не осквернил ту заботу, которую проявлял к нему Цзинь Шиань, и чтобы никто не подумал, будто он пренебрегает его искренностью. Он готов был позволить другим считать себя корыстным человеком, лишь бы никто не разглядел его тайных чувств, окутанных туманом. Эти чувства возникли из ниоткуда: только что в сердце была ясность и покой, и вдруг — словно камень бросили в весеннюю воду.

На самом деле всё едино: слава, выгода, любовь — всё это естественные человеческие стремления. Но слава и выгода осязаемы, их можно просчитать, а вот любовь — нет. У неё нет доказательств, и даже клятвы не дают гарантий. Даже если иметь на руках брачный контракт, это не значит, что сердца будут биться в унисон, чего уж говорить о нынешней ситуации, когда между ними словно преграда.

Он слишком давно не испытывал подобных чувств, поэтому их внезапное возвращение было похоже на встречу после долгой разлуки. Это не было так бурно, как в первый раз на сцене, и не так горячо, как первая любовь, но, как в поэзии: весна прекрасна, но именно её возвращение наполняет сердце смыслом. Тот смутный порыв прошел полный круг: когда-то это был шторм, а теперь — тихая весенняя вода. Это чувство было неясным, нерешительным, и Лушэн решил плыть по течению. Сделать шаг вперед — возникнет множество неудобств, сделать шаг назад — жалко терять то, что есть. Оставаться в этой неопределенности было как раз в самый раз, чтобы коротать весенние дни, забывать о боли и размышлять в сумерках.

Лушэн провел всю весну в подобных раздумьях. Он не мог разобраться в своих чувствах, да и не хотел. Он просто наслаждался этой меланхолией. На самом деле это было мало связано с самим Цзинь Шианем — это была лишь благодарность за чистоту его души. Лушэн был слишком чувствителен, поэтому ценил не только эту чистоту, но и свою собственную благодарность. Иногда, запутавшись в мыслях, он ходил по комнате, выходил во двор, и цветы казались ему нежными, и деревья — всё вокруг дышало нежностью. Ему хотелось петь, но он боялся, что кто-то услышит и подумает, что он не верен своим чувствам. В конце концов, он приставил лестницу, достал с полки сяо и, не в силах сдержаться, заиграл в вечерних сумерках — печально и протяжно.

На беду, в окне показалась голова Цзинь Шианя. Сначала он просто глупо смотрел, а потом усмехнулся:

— Ого, а ты умеешь играть на сяо?

В этих словах сквозила небрежная насмешка. Лушэн не понял подтекста, но, как назло, покраснел, словно его тайные мысли были раскрыты. Он перестал играть и швырнул в него фруктом, лежавшим на столе:

— Не твое дело!

Цзинь Шиань свистнул и спрятал голову обратно.

Весеннее цветение сменялось одно другим. Цветы распускались и опадали без всякого умысла, и весна так же незаметно ушла, ступая по опавшим лепесткам.

Нанкин — город, где зима коротка, а весна длинна, самое то, чтобы проводить дни в праздности. Но в конце весны Цзинь Шиань внезапно слег. То ли переутомился за зиму, то ли дедушка довел его своими придирками. Болезнь была серьезной: сначала просто кашель, а потом он и вовсе не смог встать с постели. Температуры не было, но все тело ломило, и аппетит пропал.

Вызвали врача — того самого японца. Тот долго тыкал пальцами, возился с приборами и поставил диагноз: легкий миокардит.

Симптомы были «легкими», но врач-японец, по своей привычке, поднял панику:

— Это очень серьезное заболевание, очень трудно поддается лечению! Необходимо строгое соблюдение постельного режима, легкая диета и прием лекарств по расписанию.

Если бы господин Цзинь не расслышал название болезни, он бы решил, что у него рак. Он начал вспоминать сцены из фильмов про республиканский период — как подпольщики добывали пенициллин, как героиня спасала героя одной ампулой — и авторитетно заявил:

— А нельзя просто вколоть пенициллин?

Японец в замешательстве захлопал глазами:

— ...Пенициллин?

Пенициллин начали применять в клинической практике только во время Второй мировой войны, а сейчас он, скорее всего, еще пылился в какой-нибудь лаборатории. Господин Цзинь, конечно, не считал это своей виной. Когда врач ушел, он набросился на Чжоу Юя:

— Я же сказал, не зови этого японца! У тебя с ним что, роман?

Откуда взяться нормальному врачу, который даже про пенициллин не слышал? Из-за него ему теперь придется валяться в постели!

Чжоу Юй уже привык к вспышкам гнева своего господина:

— Но в терапии он очень хорош.

— В Нанкине только японцы умеют лечить внутренние болезни?!

Чжоу Юй вытер пот со лба и решил позвать господина Бая. Лушэн, покачивая головой, улыбнулся:

— Ну что ты злишься на дядю Чжоу? Японский врач — тоже врач. Успокойся и лечись!

Чжоу Юй стоял рядом с выражением лица верного евнуха, на фоне которого господин Бай казался мудрой наложницей. Чжоу Юй начал давать советы:

— Господин Бай прав. Молодой господин, ложитесь и отдыхайте. Сейчас не время сводить счеты. Госпожа скончалась, вдовствующая императрица покоится в мавзолее, а нам главное — вылечиться.

Лушэн улыбнулся:

— Это всё я виноват, что в прошлый раз заговорил о выступлении в храме Фуцзымяо, вот ты и разболелся!

Эти разговоры были как слепой с глухим. Цзинь Шиань рассмеялся:

— Да вы ничего не понимаете.

В итоге японского врача всё равно вызывали, а еще добавили известного китайского доктора, чтобы лечиться и западными, и восточными методами. По идее, болезнь должна была быстро отступить, но прошел полмесяца, а ему становилось только хуже. Лушэн запаниковал: господин никогда не знал лишений, это всё из-за того, что он так перетрутился ради него! Поэтому он не отходил от кровати ни на шаг. Все боялись сообщать господину Цзинь Чжунмину, чтобы не накликать беды, но боялись и скрывать, чтобы не нести ответственности.

Цзинь Шиань, казалось, всё понимал. Приходя в себя, он говорил Лушэну:

— Не говори дедушке.

Лушэн спрашивал почему. Цзинь Шиань, держась за голову, нес бред:

— Если узнает, заберет меня домой. И тогда мы расстанемся.

Сказав это, он снова проваливался в сон.

Лушэн сидел у кровати, погруженный в свои мысли. Раньше он пытался избегать его, а теперь и не хотел, и не мог. Он надеялся только на то, что тот поправится.

Движимый нежностью и благодарностью, он не доверял уход за больным никому другому. А господин Цзинь, стоило ему открыть глаза, тут же спрашивал: «Где Лушэн?». Он имел в виду «отдыхал ли Лушэн», но все воспринимали это как «хочу, чтобы Лушэн за мной ухаживал». Лушэн совсем выбился из сил, и те килограммы, которые он набрал за зиму, растаяли как весенний снег.

Тетушка Лю видела, как служанки бездельничают, пока господин Бай надрывается, и от злости начала придирается к ним по пустякам. Вернувшись к Лушэну, она ворчала:

— Вечно твердишь, что хочешь отплатить за добро, вот и расплачиваешься! Ты ему по гроб жизни обязан.

Лушэн, поднося лекарство, ответил:

— Тетушка, ты слишком долго жила в достатке и забыла свое место. Они прислуживают, а разве я не такой же слуга? Мы все здесь прислуга, к чему делить на сорта?

Тетушка Лю вырастила его как родного, любила как мать, но её сын влюбился в мужчину! С кем поделиться этой материнской болью? Она в сердцах ответила:

— Ты слуга? Ты здесь почти как хозяин! А он что? Вижу, он тебя ни капли не жалеет. В доме полно людей, почему он цепляется только к тебе?

Это были слова со зла, но для Лушэна они прозвучали почти как доказательство его любви. Он покраснел:

— Естественно, потому что я ему ближе всех.

Тетушке Лю хотелось потрясти его за плечи:

— Вот увидишь, завтра он приведет в дом жену, и посмотрим, как ты будешь прислуживать!

Лушэн не стал её слушать и, неся лекарство, убежал.

Болезнь отступила только к маю. К счастью, Цзинь Чжунмин так ничего и не узнал. Он приходил пару раз, и его отношение стало мягче, он даже не ругал внука за неподобающее поведение. Все вздохнули с облегчением. Цзинь Шиань не знал, кто именно ухаживал за ним во время болезни, Лушэн не стал говорить, и когда он поправился, все снова зажили душа в душу.

В тот вечер ужин был легким — после болезни молодого господина в усадьбе Бай вообще перестали есть мясо. Подали суп из утки: мясо вынули, оставив только кости, а в бульоне плавали весенние побеги бамбука и грибы.

Лушэн положил еду Сеаню и сел рядом. Цзинь Шиань сделал большой глоток супа и невзначай сказал:

— Дедушка сегодня снова приходил.

— Что-то сказал?

— Сказал, что мне пора идти на смотрины.

Цзинь Чжунмин приходил сегодня проводить его и сказал, что раз он так долго болел и теперь поправился, пора бы выйти в люди. Госпожа Цинь из-за его болезни даже похудела.

— Сходи, познакомься. Она так преданна тебе. Я посмотрел на других девушек, никто из них не сравнится с Сюаньхуэй.

Цзинь Шиань не придавал этому значения, просто хмыкнул. Смотрины — это же просто поход с девушкой в ресторан, верно? В этом господин Цзинь был мастер. Раньше Ван Цзинлинь уже устраивала ему пару свиданий, но всё закончилось ничем — богатые наследницы не оценили господина Цзиня, сочтя его вкус ужасным, а самого его — дурачком с замашками нувориша. К тому же, свекровь в лице Ван Цзинлинь была сложным человеком, и девушки из знатных семей не хотели иметь с ним дел. Цзинь Шианю оставалось довольствоваться только девушками попроще, вроде его бывшей.

Поэтому смотрины не оставили у него никаких плохих воспоминаний — все страдания достались девушкам.

Господин Цзинь просидел на улице Жунчжуан почти полгода и чуть не взвыл от скуки. У других героев, попадающих в прошлое, девушки появляются уже в первой главе, а у него — сплошные мужики. Что это за история? Неужели это не гаремник, а какая-то новелла о совершенствовании? Где же роскошная жизнь Китайской Республики? Где красавицы? Когда же начнется гарем?

Цзинь Чжунмин, старый феодал, поступил по-человечески: не стал устраивать принудительный брак, а позволил внуку самому сходить на смотрины. Старик сказал мягко:

— Если не нравится эта, есть Чэнби из семьи Чжу, Суюнь из семьи Цянь — все они благовоспитанные девицы, знают тебя с детства. Не обязательно кому-то льстить, просто посмотри, кто к тебе искренен, кто тебе по душе, и попробуй наладить отношения.

Дедушка, твой тон звучит как у императора, выбирающего наложниц!

Конечно, в конце была добавлена фраза:

— Тебе уже за тридцать. Чтобы управлять страной, сначала нужно привести в порядок семью. Я считаю, Сюаньхуэй — редкая девушка: и внешность, и характер, и кротость, и почтительность. Ты и так заставлял её ждать столько лет, сходи, пообщайся, пора подумать о женитьбе.

Эту часть Цзинь Шиань пропустил мимо ушей.

Жизнь главного героя наконец-то налаживается! Не зря он так болел — это небеса испытывают его волю, прежде чем даровать ему красавицу!

Господин Цзинь даже немного разволновался.

Он говорил об этом так легко, а для Лушэна это прозвучало как гром среди ясного неба.

Услышав слово «смотрины», он был поражен, но не подал виду. Помолчав, он улыбнулся:

— Конечно, пора. В твоём возрасте у других уже дети бегают.

Сердце разрывалось от боли, он едва мог держать палочки.

Помолчав ещё немного, он всё же спросил:

— Что это за барышня?

— Кажется, по фамилии Цинь. Дочь владельца уксусного завода.

Госпожа Цинь. Лушэн знал её. Семья Цинь ценила старые связи. Раньше, когда семья Цзинь была богатейшей в Цзяннани, многие пытались породниться с ними. А теперь, когда Цзинь Шиань заболел, кто захочет отдавать дочь в такую семью? Цинь Е был готов, подумал Лушэн. Все говорят, что госпожа Цинь влюбилась в молодого господина с первого взгляда, и, похоже, это правда.

Оказалось, он не один такой, кто преданно ждёт.

Пока он терзался, Цзинь Шиань смотрел на него и вдруг усмехнулся:

— Что, не хочешь меня отпускать?

В голове у Лушэна крутились слова «смотрины» и «женитьба», и он ответил, сам не понимая что:

— Женитьба — дело серьёзное, как мы можем мешать?

Цзинь Шиань поморщился:

— Я её даже не видел, а уже жениться? А вдруг она страшная, как Фэнцзе?

Лушэн не знал, кто такая Фэнцзе, но, услышав слова Цзинь Шианя, выдавил улыбку:

— Госпожа Цинь — известная красавица в Цзиньлине. Я её не видел, но люди говорят, что она очень красива.

Цзинь Шиань с грохотом отставил миску и подался вперед, заглядывая Лушэну в лицо:

— А чего ты такой кислый?

Лушэн отвел взгляд и молча положил себе овощей.

<http://bllate.org/book/19790/1950116>